
Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.15

Тагиров Айрат Наилевич^{1,2}

¹Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия

²Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия

¹shadi@rambler.ru

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ РОЗЫСКА ИМУЩЕСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПЕРИОДА ОБРАЗОВАНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Цель статьи: анализ исторических правовых актов и актов правоприменения, регулирующих вопросы розыска похищенного имущества, периода образования и укрепления Русского централизованного государства. *Методы:* применялись частнонаучные методы: историко-правовой и толкования юридических норм. *Результаты:* исследование позволило выявить особенности розыска имущества и связанных с этим юридических действий. Получены достаточные основания полагать, что в период образования и укрепления Русского централизованного государства вопросы розыска похищенного имущества в уголовном судопроизводстве продолжали регламентироваться нормами Русской Правды. При этом розыск осуществлялся как самими потерпевшими (истцами) совместно с членами своей общины, так и представителями власти, выполняющими функции приставов, что подтверждается материалами уголовного дела 1503 г., в котором воспроизводится процедура гонения следа, известного со времен Русской Правды. Учитывая, что роль приставов выполняли и недельщики, высказывается обоснованное утверждение о том, что данные должностные лица могли проводить обыск как для задержания преступника, так и в целях розыска похищенного имущества (поличного).

Ключевые слова: Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Русская Правда, розыск имущества, история розыска, обыск

Для цитирования: Тагиров А.Н. Регламентация розыска имущества в законодательстве периода образования и укрепления Русского централизованного государства / А.Н. Тагиров // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 199–207. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.15.

Original article

Tagirov Ayrat Nailevich^{1,2}

¹Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

²Investigative Committee of the Russian Federation for the Nizhny Novgorod oblast, Nizhny Novgorod, Russia

¹shadi@rambler.ru

PROPERTY SEARCH REGULATION IN THE LEGISLATION OF THE PERIOD OF THE FORMATION AND STRENGTHENING OF THE RUSSIAN CENTRALIZED STATE

Abstract. *Purpose* of the article: to analyze historical legal acts and law enforcement acts regulating the search for stolen property in the period of the formation and strengthening of the Russian centralized state. *Methods:* specific scientific methods – historical-legal and the method of legal norms interpretation are applied. *Results:* the study reveals features of the search for property and related legal actions. There are sufficient grounds to believe that, during the formation and strengthening of the Russian centralized state, matters relating to the search for stolen property in criminal proceedings continued to be regulated by the rules of the Russkaya Pravda (Russian Truth). The search was carried out both by the victims themselves (complainants) together with members of their community and by the authorities acting as bailiffs, as confirmed by the case file of 1503, which reproduced the procedure of tracing, known since the times of the Russkaya Pravda (Russian Truth). Considering that the role of bailiffs was also performed by weekly bailiffs, there is a well-founded claim that these officials were able to conduct searches both to apprehend the perpetrator and to search for stolen property (red-handed).

Keywords: Sudebnik (Code of Laws) of 1497, Sudebnik (Code of Laws) of 1550, Russkaya Pravda (Russian Truth), property search, search history, searching

For citation: Tagirov A.N. Property search regulation in the legislation of the period of the formation and strengthening of the Russian centralized state. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 199–207. DOI DOI 10.33184/pravgos-2022.1.15. (In Russian).

В задачи отечественного уголовного законодательства в соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ входит охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности от преступных посягательств. Назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Одним из направлений деятельности правоохранительных органов в этой сфере является восстановление нарушенных преступлением имущественных прав потерпевших и интересов бюджетной системы. Данная деятельность заключается (прежде всего) в наложении ареста на имущество, за счет которого возможно возмещение вреда от преступления. Вместе с тем обеспечить исполнение приговора в части гражданского иска в целях реального возмещения причиненного ущерба зачастую невозможно без осуществления розыска и установления имущества по уголовным делам.

Для полноценного уяснения сущности розыска имущества необходимо обратиться к истории данного института, в частности к периоду образования Русского централизованного государства (XIV – начало XVI в.).

При великом князе Иване III (1462–1505) процесс централизации Русского государства близился к завершению. В состав Московского государства были включены Великий Новгород (1478) и Тверское княжество (1485). Начиная с Ивана III в России устанавливается самодержавие, первоначально понимаемое как независимость от Золотой Орды, которое, однако, еще не являлось абсолютной монархией. Именно в это время был создан первый общерусский свод законов – Судебник 1497 г. [1, с. 54–62], который в 1550 г. сменил Судебник царя Ивана IV [1, с. 97–120].

Изучение Судебника 1497 г. показало, что в нем регламентированы отдельные вопросы возмещения ущерба, причиненного преступлением, и процессуальных издержек. Например, согласно ст. 8 и 11 лицо, признанное виновным в совершении воровства («татьбы»), разбоя, убийства («душегубства»), злостной клеветы («ябедничества») или иного «лихого дела», на основании решения боярского суда подлежало смертной казни, а требуемое истцом (потерпевшим) выплачивалось из имущества преступника, при этом оставшаяся часть имущества передавалась боярину и дьяку (судье).

Обвинение со стороны пяти-шести заслуживающих доверия людей в воровстве, в случае, если доказано, что лицо ранее преступлений не со-

вершало, влекло обязанность возмещения ущерба без проведения судебного разбирательства (ст. 12), а при поимке с поличным лица, о котором есть свидетельство этого же количества «добрых людей» о том, что оно и ранее неоднократно совершало кражи, влекло применение смертной казни с одновременным возмещением вреда из имущества преступника (ст. 13). Под поличным понималось похищенное имущество, найденное у преступника.

Судебником 1497 г. регламентировался институт недельщиков (приставов).

Согласно словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона недельщиком «в допетровской Руси назывался судебный пристав, исполнявший свои обязанности по неделям ("быть в неделях"). Состояли недельщики при дьяках, которые вносили их имена в особые книги, при вступлении в должность». Этот же словарь, определяя понятие пристава, говорит, что это название «в Древней Руси употреблялось разн. ...В Москве приставами назывались исполнительные чины, на которых возлагались какие-либо особые поручения, например, сопровождение иностранных послов, для чего выбирались лица из знатнейших фамилий. В более узком смысле пристав – чиновник по судным делам, на обязанности которого лежал вызов на суд ответчика и свидетелей, а также производство взысканий по определению суда»¹. Таким образом, пристав – это должностное лицо, а недельщик – одна из функций пристава, своеобразный процессуальный статус.

Недельщику запрещалось проводить судебные действия в том городе, где он проживает. В обязанности его входили: вызов сторон в суд, розыск ответчика на основании приставной грамоты и его допрос при наличии соответствующего поручения, задержание (арест) ответчика и доставление его в суд (либо недельщик мог потребовать от ответчика поручительства о явке в суд к установленной дате), взимание пошлин со сторон дела. За исполнение своих обязанностей недельщик получал определенное законом вознаграждение («езд», «хоженое») от заинтересованной стороны.

В Судебнике 1497 г. отсутствуют какие-либо нормы о розыске имущества и направленных на его установление действиях. Представляется, что эти функции могли выполняться именно недельщиками (приставами). Так, С.И. Штамм в комментарии к ст. 28 Судебника 1497 г., посвященной порядку выдачи приставных грамот, отмечала, что данные грамоты разрешали последнему брать на поруки ответчика при вызове его в суд, производить обыски или иные действия, необходимые для расследования по делу или приведения в исполнение приговора [2, с. 79].

---

¹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз – Ефрон, 1890–1907 [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/71546 (дата обращения: 11.04.2021)

Причина, по которой Судебник 1497 г. совершенно не урегулировал вопрос розыска похищенного имущества, в отличие от более ранней Русской Правды, возможно, заключается в том, что «...в данный период сохраняет свое действие и прежнее законодательство. Особое значение имеет Русская Правда. О ее действии говорит появление новых редакций этого закона, а также то обстоятельство, что новое законодательство не во всем заменило прежнее» [2, с. 28]. Таким образом, есть все основания полагать, что в период образования и укрепления Русского централизованного государства вопросы розыска имущества в уголовном судопроизводстве продолжали регламентироваться нормами Русской Правды.

В более позднем Судебнике 1550 г. указанные вопросы получили схожую с Судебником 1497 г. регламентацию. Например, согласно ст. 52 задержание лица с поличным являлось основанием для проведения процедуры повального обыска, то есть опроса всех жителей определенной местности о личности подозреваемого.

Конечно, для прояснения исследуемой темы необходимо обратиться к сохранившимся приставным грамотам того периода, которые выдавались приставу для вызова сторон в суд и проведения необходимых действий (ст. 28 Судебника 1497 г.), однако, как отмечает А.А. Калашникова, например, от Пскова сохранилась только одна правая грамота 1483 г. суда Ярослава Васильевича Оболенского, иные документы, в том числе приставные грамоты, до нас не дошли [3, с. 143–150]. В обзорных работах, посвященных сохранившимся судебным документам, приставные грамоты также не упоминаются [4, с. 264–272].

Составителями сборника «Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в.» приведена всего одна приставная грамота 1462–1470 гг. [5, с. 238–239], однако по своему характеру она является «срочной» и содержит лишь предписание о вызове лиц в суд и предупреждение о том, что не явившийся будет «без суда виноват».

В то же время упоминание приставной грамоты встречается в других документах. Так, в жалованной оброчной грамоте верейского князя Михаила Андреевича Троице-Сергиева монастыря игумену Спиридонию на с. Илемну (1467) указано следующее: «А недельщику моему к ним в Илемну не въезжати, ни на поруку не дать без моей без приставной грамоты» [5, с. 252]. Как видно, здесь речь идет о полномочиях недельщиков по отобранию поручительства о явке в суд. Примечательно, что институт недельщиков упоминается в данном документе еще за 30 лет до создания Судебника 1497 г. Таким образом, Судебник законодательно закрепил их существование.

В другом документе – правой грамоте (1495–1499), данной судьей по земельному спору, записаны показания недельщика Васка Карачева, сооб-

щившему суду о том, что отобрал поручительство за ответчика Степанка Дорогу, который, однако, сбежал со своими поручителями [5, с. 293].

Изучение сборников исторических документов позволило выявить конкретное уголовное дело, в котором имеются сведения об успешном розыске похищенного¹. Так, С.М. Каштановым приведена датированная мартом 1503 г. правая грамота суда дворецкого Константина Григорьевича Заболоцкого прилуцким крестьянам Троице-Сергиева монастыря Федору и Константину Полуевым по тяжбе между ними и крестьянином с. Павловского Углицкого уезда Гридей Тевелгою о краже сена (список с судного списка) [6, с. 409–414]. Имеет смысл подробно привести обстоятельства данного дела, которое наглядно показывает практику данного исторического периода, в том числе гонения следа, известного еще по Русской Правде.

Итак, истцы сообщили суду, что (в прошедшую) зиму, прибыв на свой луг, обнаружили кражу тридцати копен сена. Они, взяв с собой доводчиков² («приставы») и местных крестьян («понятые», «погонные мужи»), а также образец похищенного, пошли по следу («да с остожья сена взявши, поехали есмь следом, трухою, куде сено везено»). Следы привели к жилищу Гриди Тевелги, во дворе которого было обнаружено похищенное, которое было изъято и опечатано («и мы с приставы и с мужми погонными то сено свое у него из сенници выняли», «и приставове ... запечатав следовое сено ... запечатав вынятое сено»). Сличение с образцом показало, что это и есть похищенное («наше сено следовое ... приложили к тому сену х краденому, ино сено одно»).

Судья велел приставам распечатать обнаруженное имущество и образцы, сравнил их и убедился в их однородности.

Далее были допрошены: обвиняемый, который отрицал причастность к краже и показал, что сено ему подкинули; приставы – по обстоятельствам поступившего сообщения о преступлении, мерах к розыску имущества и преступника, изъятию обнаруженного и его сличению с образцом, а также по пояснениям Гриди Тевелги о том, что изъятое он купил, но не сказал, у кого именно; другие участники гонения следа – по аналогичным вопросам.

По результатам судебного разбирательства преступник был осужден («обвинил и судил его в тати и выдал его исцем на казнь по Судебнику»), а

---

¹ Автор выражает признательность научному сотруднику Лаборатории комплексного исследования рукописных памятников Санкт-Петербургского института истории РАН А.А. Калашниковой, предоставившей сведения о данном уголовном деле и соответствующих источниках.

² Должностное лицо в штате наместника – представителя великокняжеской власти.

причиненный ущерб был возмещен путем обращения взыскания на его имущество («исцево велел доправить ... из его статков»). Как видно, в данной правой грамоте имеется и прямая ссылка на Судебник 1497 г.

Большое значение розыска похищенного имущества в доказывании вины можно проиллюстрировать ст. 13 «Правосудия митрополичьего» (ок. 1390–1420)¹ следующего содержания: «А татя без поличного ни вязати, ни казнити, ни повесити» [7, с. 23].

Нормы, связанные с розыском имущества, встречаются и в других правовых актах. Так, в ст. 11 Жалованной уставной грамоты великого князя Ивана Васильевича жителям г. Белоозера и белозерских станов и волостей (март 1488 г.) [7, с. 38–40] в качестве поличного определяется только то, что найдется в закрытом хранилище («а поличное то, что выимут из клетки из-за замка: а найдут что во дворе или в пустой хоромине, а не за замком, ино то не поличное»). В ст. 12 данной Жалованной уставной грамоты регламентирован порядок производства свода при обнаружении похищенного имущества («а у кого что познают татяное, а тот себя сведеть на свод, хотя и до десятого своду и до чеклого татя...»).

Схожего содержания статьи имеются в Жалованной уставной грамоте великого князя Василия Ивановича Переславским рыболовам от 7 апреля 1506 г. [7, с. 44–46] и в ряде других аналогичных правовых актах.

Таким образом, в ходе исследования получены достаточные основания полагать, что в период образования и укрепления Русского централизованного государства вопросы розыска похищенного имущества в уголовном судопроизводстве продолжали регламентироваться нормами Русской Правды. При этом розыск осуществлялся как самими потерпевшими (истцами) совместно с членами своей общины, так и представителями власти, выполняющими функции приставов, что подтверждается примером конкретного уголовного дела, приведенного в настоящей статье, в котором воспроизводится процедура гонения следа, известного со времен Русской Правды. Учитывая, что роль приставов выполняли и недельщики. Полагаем обоснованным утверждение о том, что они могли проводить и обыск – как для задержания преступника, так и в целях розыска похищенного имущества (поличного).

---

¹ Сложение «Правосудья» Л.В. Черепнин относил к деятельности митрополита Киприана, по заказу которого оно могло быть составлено для митрополичьего суда в Новгороде.

Список источников

1. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1985. 520 с.

2. Штамм С.И. Комментарий к Судебнику 1497 года / С.И. Штамм // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – Москва : Юридическая литература, 1985. С. 79.

3. Калашникова А.А. Правоприменение Судебника 1497 г. Насколько точно законодательные нормы применялись в суде? / А.А. Калашникова // Вызов времени: становление централизованных государств на востоке и западе Европы в конце XV–XVII в. – Калуга, 2019. – С. 143–150.

4. Калашникова А.А. К вопросу о классификации русских судебных документов XV – первой половины XVI в.: правые грамоты и судные списки / А.А. Калашникова // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 4. – С. 264–272.

5. Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / отв. ред. Б.Д. Греков. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 1. 804 с.

6. Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики / С.М. Каштанов. – Москва : Наука, 1970. 503 с.

7. Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / отв. ред. проф. Л.В. Черепнин. – Москва : Наука, 1964. Т. 3. 688 с.

References

1. Chistyakov O.I. (ed.). *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation from the 10th to the 20th centuries]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1985. Vol. 2. 520 p.

2. Shtamm S.I. Commentary on the Sudebnik of 1497. In Chistyakov O.I. (ed.). *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation from the 10th to the 20th centuries]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1985. Vol. 2, p. 79. (In Russian).

3. Kalashnikova A.A. Law Enforcement of the Sudebnik (Code of Laws) of 1497. How accurately were the legislative norms applied in court? *Vyzov vremeni: stanovlenie centralizovannyh gosudarstv na vostoке i zapade Evropy v konce XV–XVII v.* [Challenge of the times: the formation of centralized states in

the east and west of Europe at the end of the 15th–17th centuries]. Kaluga, 2019, pp. 143–150. (In Russian).

4. Kalashnikova A.A. To the issue of the Russian judicial documents' classification in the 15th – the first half of the 16th centuries: judgment charters and trial records. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal = Petersburg Historical Journal*, 2018, no. 4, pp. 264–272. (In Russian).

5. Grekov B.D. (ed.). *Akty social'no-ekonomicheskoy istorii Severo-vostochnoj Rusi konca XIV – nachala XVI v.* [Acts of the socio-economic history of North-Eastern Russia at the end of the 14th – beginning of the 16th centuries]. Academy of Sciences of the Soviet Union, 1952. Vol. 1. 804 p.

6. Kashtanov S.M. *Ocherki russkoj diplomatiki* [Essays on Russian diplomacy]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 503 p.

7. Cherepnin L.V. (ed.). *Akty social'no-ekonomicheskoy istorii Severo-vostochnoj Rusi konca XIV – nachala XVI v.* [Acts of the socio-economic history of North-Eastern Russia at the end of the 14th – beginning of the 16th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1964. Vol. 3. 688 p.

Информация об авторе

Тагиров Айрат Наилевич – аспирант кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, руководитель отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области.

Information about the Author

Tagirov Ayrat Nailevich – postgraduate student of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Nizhny Novgorod Oblast.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 21.12.2021; принята к публикации 22.12.2021.

The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 21.12.2021; accepted for publication 22.12.2021.